

ПИСАТЕЛЬ КАК ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПЕРСОНАЖ

С. Н. Филюшкина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 1 августа 2018 г.

Аннотация: критически относясь к современной «эгоцентрической, элитарной прозе», героем которой зачастую выступает сосредоточенный «на себе любимом» автор, Вл. Новиков («Новый мир», 2017, 11) отстаивает ценность писательских биографий. На примере шести книг А. Я. Ливерганта, вышедших в серии ЖЗЛ, критик доказывает, что как раз реальный писатель, с его биографией, характером, противоречиями, может стать подлинным, «колоритным литературным персонажем». С этих позиций в предлагаемой статье рассматривается изображенный Ливергантом известный английский писатель Грэм Грин.

Ключевые слова: персонаж, характер, сюжет, жизнь, эволюция, мнение, проблема.

Abstract: being critical about modern “egocentric, elite prose” where a self-centered author makes himself the central hero figure, “himself beloved”, Vl. Novikov (in “Novy Mir”, 2017, 11) asserts a value of a true writer’s biography. Using A. Livergant’s six Lives of Great People books as an example, Novikov argues that in fact the real writer, with all controversies of his life and personality, can only become a true “vivid literary hero”. In the article below, we apply the same line of reasoning to the figure of Graham Greene, a notable English writer (also a subject of Livergant’s work).

Keywords: personage, character, plot, life, evolution, opinion, problem

«Шесть героев нашли автора» — так назвал свою статью известный литературовед и критик Вл. Новиков на страницах журнала «Новый мир» (№ 11, 2017). Исследователь дает оценку книгам А. Я. Ливерганта, вышедшим в серии ЖЗЛ и посвященным писательским биографиям Р. Киплинга, С. Моэма, О. айльда, Фр. С. Фицджеральда, Г. Миллера, Г. Грина.

При всей краткости, характеристика творческих личностей и их наследия, как всегда у Новикова, интересна, изящна, касается и теоретических проблем. В данном случае это проблема литературного героя, ныне достаточно насущная. Вл. Новиков критически относится к современной «эгоцентрической элитарной прозе», где автор «выдает за героя «себя любимого», может быть и умного, и симпатичного, но слишком статичного, без развития... Профессионально сконструированный герой добротной беллетристики надолго в памяти и душе не задерживается». Главной удачей Д. Быкова являются не созданные им виртуальные личности, а «нефиктивный герой по имени Борис Пастернак» [1] из серии ЖЗЛ.

С точки зрения критика, именно писательские биографии вносят весомый вклад в решение обозначенной проблемы: «...Настоящий писатель — это колоритный литературный персонаж, созданный самой жизнью. У него непременно есть характер, причем с необходимыми противоречиями, без которых творческая личность немыслима. У него есть судьба, то есть причинно-следственные связи между событиями.

Уловил биограф эту связь — вот и сюжет, обладающий обобщенным антропологическим и онтологическим смыслом» [1]. В конце статьи, уже ссылаясь на Грэма Грина, исследователь говорит о таком важном факторе, как сложная личная жизнь писателя: «Без романов романы не пишутся» [1].

Отдельные положения тезиса Вл. Новикова нашли реализацию в предложенной А. Я. Ливергантом писательской биографии уже упомянутого Грэма Грина, одного из ярких, оригинальных романистов XX века.

Претензии на «статус» литературного героя образ Грина под пером исследователя предъясвляет уже на первых страницах книги в разделе, озаглавленном «Вместо предисловия». Подобно персонажу в произведении, он сразу наделяется портретной характеристикой. Лицо и фигура прославленного романиста увидены из переполненного зала будущим автором книги о Грине, не столь давним выпускником филфака МГУ. Ощутима первая попытка уловить через внешний облик только что вошедшего в зал человека его психологическое состояние и характер.

Перед нами в рамках того же вступления штрихами набросанные отличительные черты мировоззрения, идейной позиции Грина. Вот наиболее примечательные из них. Это сочетание в гриновском мировосприятии веры и сомнения, убежденность писателя в нераздельности добра и зла и в том, что именно грешник наиболее глубоко воспринимает сущность христианства; принципиальное различие сострадания и жалости (не в пользу последней), поиск человечности в тех людских особях, где че-

ловечность внешне наименее очевидна, неприязнь к догматике, к общим формулировкам... В той же повествовательной манере — рассказа, прямых оценок, непреложного факта — подаются во вступлении черты характера Грина, неприятные и привлекающие: «Бунтарь по натуре, человек резкий, неуживчивый, отличавшийся прескверным характером, Грин в то же время был привязчив, верен, безотказен, обязателен. И обаятелен. Обладал отменным чувством юмора...» [1, 13].

Очевидно стремление А. Я. Ливерганта к афористическим броским высказываниям, чаще всего при напоминании о парадоксальности поведения писателя: «Он всегда путешествовал по принципу — чем хуже, тем лучше» [1, 173]. В отдельных репликах персонажей, по мнению литературоведа, трудно не узнать самого Грина. В то же время в попутных замечаниях к поступкам, письмам, выражению чувств писателя, например, к Ивонн Клоэтта, последней, многолетней подруге романиста, автор жизнеописания Грина может быть и ироничен: «Как же ему присущ мелодраматизм, который он с таким талантом высмеивал в своих книгах» [1, 184].

Но среди всех комментариев А. Я. Ливерганта, служащих созданию образа Грина-персонажа, наиболее ценными являются те, которые выявляют в последнем облик Творца, мастера пера. Это наблюдения над изобретательностью Грина как художника слова в создании метафор, частом и умелом использовании приема контраста; убедительно суждение, что существенную особенность поэтического мышления писателя составляет чувство абсурда, трагикомичность видения мира. Исследователь пытается наглядно показать труднейшее: связь психологии романиста как человека с создаваемым им художественным образом, с избранным тропом — эпитетом или сравнением, с метафорой...

Хотелось бы коснуться и замечаний Вл. Новикова о сюжете в писательской биографии. Напряженные сюжетные «узлы» возникают в книге Ливерганта часто — при изложении истории женитьбы Грина и его дальнейших любовных приключений, вступления на стезю журналистики, становления писательской «карьеры», посещения «горячих точек» планеты, попытки ради развлечения проникнуть в мир шпионских авантур, а позже уже официального оформления в ряды МИ-6, правда, на время. Но наиболее впечатляет проявление сюжетного начала (возможно, потому, что оно следует за несколько растянутым, перегруженным именами и подробностями рассказом о родственниках писателя) при изображении юного Грина в школе, где его травят, домашней обстановки, где отсутствует душевность, нарастающего отчуждения от семьи и в конечном итоге бунта, когда Грин предъявляет родителям ультиматум (чем не кульминация в сюжете!) и побеждает.

Любопытно у Ливерганта частое, подчеркнутое соотнесение вымышленной действительности в романах Грина с реальными случаями, ситуациями, даже психологическими или бытовыми подробностями в жизни самого писателя. Роман с Кэтрин Уолстон отражен в произведении «Конец одной любовной связи» (1951). Противоречащие друг другу по смыслу телеграммы касательно болезни и смерти близкого человека были пережиты самим писателем и обыграны им в романе «Суть дела» (1948). Особенно искусен, как показывает это Ливергант, Грин в использовании запомнившихся ему впечатляющих «деталей». Это мертвый ребенок во Вьетнаме, так и не выпустивший из руки кусок хлеба. Это чувственное потрясение от отражения в зеркале женщины в красном халате, расчесывающей волосы (подобным собственным переживанием писатель наделяет журналиста Фаулера в романе «Тихий американец», 1955).

Вспомним сетования Вл. Новикова, что герой в современных произведениях, представляющий самовыражение автора, не развивается, зато в талантливо написанной писательской биографии эволюция романиста как персонажа ощутима. Применительно к Грину она проявляется в развитии характеров и судеб сотворенных им героев. И это их эволюция в сторону большей душевной активности, обогащения внутренней жизни, способности к Поступку. Особенно наглядно она проявляется в «Почетном консуле» (1973) в судьбах Пларра, Фортнума, Риваса. А для нас (поспорим здесь с Ливергантом) и в образе отца Кихота («Монсеньор Кихот», 1982). Да и противник войны во Вьетнаме, как и всякой вообще, Томас Фаулер, в чью настойчивую декларацию нравственно-психологического нейтралитета как-то не очень верится, в конечном итоге отказавшись от попыток сказать правду в печати, совершает, пусть только под влиянием душевного потрясения, решительный шаг, чтобы «унять» чересчур активного «тихого американца».

Любопытно внезапно возникающее противопоставление в романе «Ценой потери» (1961) мягко-сердечного Настоятеля, чья христианская доброта состояла в том, что он позволял мальчику, больному лепрой, таскать у него из стола конфеты, — материалисту и атеисту доктору Колэну, который бьется за то, чтобы вылечить ребенка — и «без потерь»! Какова здесь позиция Грина-героя? Не тот ли это случай, когда перо гения достигает дальше, нежели хотел гений? Или это иллюстрация его размышлений, что родившийся персонаж, как ребенок, вышедший из утробы матери, начинает потом жить своей жизнью и диктует свое поведение автору?..

По признанию Вл. Новикова, к чтению книги А. Я. Ливерганта о Грине он приступал с некоторым предубеждением: «Слишком хорошая репутация была у него в Советском Союзе! А это вызывало ответную

негативную реакцию в независимых читательских кругах. Не жаловали мы в «застойные годы» писателей «прогрессивных», и в особенности «леваков»...» [2]. Но разделяя позицию «независимых», критик все же вынужден признать, что Грину был искренне интересен текущий политический процесс. А Ливергант на протяжении повествования неизменно повторяет, что его героя с молодых лет волновала проблема социальной справедливости. Подчеркнем, что связанные с ней коллизии помещаются Грином в пространство более разнообразных и сложных отношений, нравственно-этических, религиозных, философских — в предлагаемой Ливергантом «писательской биографии» это достаточно ощутимо. Хотя порой и спорно.

Возьмем, например, знаменитый роман «Сила и слава» (1940), отразивший угнетение верующих и в целом католической церкви в Мексике после буржуазно-демократической революции 1910—1917 гг. Лейтенант республиканской милиции, преследующий единственного оставшегося в одном из штатов священника, трактуется у Ливерганта (как можно предположить и у Новикова) неприязненно, зло, но, главное, упрощенно, с явным игнорированием текста романа, в котором как раз показаны истоки атеизма персонажа, причина неприятия им церкви. Это горький опыт детства, когда мальчик видел, как надрывающаяся от непосильного труда мать несла священнослужителям обязательную подать, жалкие гроши, оторванные у голодной семьи. Лейтенант мечтает об иной жизни для юного поколения, которому он стремится дать материальное благополучие, знания, свободу от суеверий и порока.

Конечно, нельзя не согласиться со священником, когда тот упрекает лейтенанта, что тот хочет отдать людям свое сердце, однако, не выпуская из рук пистолета. Но нельзя не заметить и того, что Грин, отстаивая устами священника культ очищающих бедняков страданий и веру в их райское блаженство после смерти, не позволяет лейтенанту опереться на какие-то возможные контраргументы. Орудием спора с персонажем писатель зачастую избирает целенаправленный отбор художественных средств, с помощью которых создается этот образ. Изохронные по своему характеру тропы призваны подчеркнуть в облике лейтенанта раздражительность, хмурость, ощущение им вокруг себя холодной, пустой, мертвой Вселенной; вместе с тем лейтенанта сопровождает раздражающий блеск амуниции, пуговиц, пистолетной кобуры. Все это в сочетании с разрушительными действиями персонажа призвано эмоционально оттолкнуть от него читателя, утвердить мысль об узости, ограниченности самого «служения идее», воплощенной в лейтенанте.

Но у священника ведь тоже своя «идея», и достоинством книги Ливерганта является то, что автор сумел ярко показать те душевные и физические муки,

на которые обрекает героя его «служение». Для Ливерганта важно (и с этим нельзя не согласиться), что священник требователен и даже безжалостен именно к себе как человеку и христианину, не достигающему того идеала, которому он поклоняется. Но хотелось бы к этой позиции критика присоединить некоторый дополнительный «оттенок» — разрабатываемое Грином на протяжении почти всего творчества противопоставление двух позиций: у так называемых «праведных» (pious) и у «греховных» персонажей, воплощающих естественную человечность; последняя может проявиться, например, у того же священника в вызове принципам собственной веры. Такова его любовь к малолетней дочери — плоду его плотского греха, от которой он не хочет и перед Богом отказаться.

Свое благополучное прошлое прозревший в результате испытаний гонимый священник воспринимает как ложное, пропитанное корыстью и лицемерием. Его противники — не только разрушающий церкви новый режим, но и носители готовых идеологических формул, в рамки которых они вмещают живые человеческие чувства и судьбы: спор священника, отстаивающего значительность и правомерность конкретных физических и душевных переживаний, с набожной женщиной в тюрьме. Подобный спор уже в других ситуациях продолжится и на примере истории комиссара Скоби в «Сути дела» (1948), в «Монсеньоре Кихоте» (1982) и со специфической остротой в «политическом», как определил сам Грин, «Тихом американце»¹. Разработка обозначенной нами коллизии — на уровне сюжета, в картинах нравственно-психологических противоборств, соотношения антропологического и онтологического начал — придает зримость фигуре Грина как литературного персонажа; вспомним, этот феномен отстаивает Вл. Новиков.

Бросается в глаза примечательная тенденция в книге А. Я. Ливерганта: он обращает внимание на наличие во многих произведениях Грина «разномастных пар», призванных потягаться в «силе» и «слабости». Могущественный международный финансист Эрик Крог и вырождающийся викторианец Энтони Фаррант («Меня создала Англия», 1935), уязвимая в своих представлениях о справедливости Айда и юный гангстер Пинки («Брайтонский леденец», 1938), уже упомянутые лейтенант и священник, наделенный многими общепризнанными добродетелями американец Пайл и опустившийся скептик англичанин Фаулер, иронически относящийся к своей профессии журналиста. А. Я. Ливергант считает, что на первый план здесь выступает проблема **читательских симпатий, читательского выбора**, тем более сложного, поскольку, по Грину, люди не «белые» и «черные», а скорее «черно-серые».

¹ См. об этом подробнее в монографии С. Н. Филюшкиной «Нет, не песчинка!» Размышления над романами Грэма Грина. — Воронеж, 2010. — 151с.

Характеристики, которые литературовед дает слагаемым «разномастных пар», убедительны и учат систему тропов, используемых Грином-творцом и доносящих до нас оценку персонажа **на уровне текста**, порой даже в полемике с публицистическими заявлениями автора. Возможно, опираясь именно на последние, А. Я. Ливергант делает вывод, вызывающий категорические возражения. Оказывается, «узор на гриновском ковре несменяем: нет в мире правых и виноватых» ([1, 164].

Значит, кровь невинных людей на асфальте площади в Сайгоне, в которую разгневанный Фаулер толкает «тихого американца», не лежит на совести последнего? Как и мины, сделанные из пластика, присланного подопечным Пайла из США? Как и убежденность, что американские деньги позволят через неделю забыть об убитых и искалеченных, о растерзанном младенце и рикше, лишившемся ног? Или нужно «смягчить» вину Пайла, поскольку и у Фаулера был «грешок» — ревность по случаю утраты возлюбленной, которая ушла к Пайлу? Личные мотивы и неприятие «общественного зла» совпадают? Ливергант вспоминает о несколько сходной ситуации в романе «Комедианты». Прав-

да, нам хотелось бы подчеркнуть скорее различие: ведь Фаулер **смиряется** с потерей Фуонг и «бунтует», лишь окончательно уяснив логику действий Пайла-робота, для которого не существует ничего индивидуального, частного, неповторимого, а все подводится под уже готовую модель отношений, будь то любовь (статистика Кинси) или впечатления о Вьетнаме (оценка политических комментаторов). Впрочем, здесь мы, наверное, впадаем в «левацкую риторику».

Но как бы то ни было, образ Грина-персонажа, главного действующего лица писательской биографии, получился у Ливерганта захватывающим и зримым. И подтвердил интересный тезис Вл. Новикова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ливергант Александр. Грэм Грин. — Серия «Жизнь замечательных людей» / Александр Ливергант. — М.: Молодая гвардия, 2017. — 287 с.
2. Новиков Вл. Шесть героев нашли автора. О биографических книгах Александра Ливерганта. — Режим доступа: http://www.nm.1925.ru/Archive/Journal_16_2017_11/Content/Publication_6_6769/Default.aspx (дата обращения: 20.08.2018).

Воронежский государственный университет

Филюшкина С. Н., доктор филологических наук, профессор кафедры истории и типологии русской и зарубежной литературы

E-mail: snfilushkina@yandex.ru

Voronezh State University

Filushkina S. N., Doctor of Philology, Professor of the history and Typology of the Russian and Foreign Literature Department
E-mail: snfilushkina@yandex.ru